

ВЛАСТЬ И СОБСТВЕННОСТЬ

О.И. ШКАРАТАН

Становление постсоветского неоэтакратизма*

В этой статье я попытаюсь ответить на вопрос, заданный более 10 лет назад профессором Д. Лэйном (Кембридж): "...ведут ли революции в посткоммунистических режимах к успешной трансформации в направлении стабильных либеральных демократий, и движутся ли общества государственного социализма к капитализму, или история будет побуждать их в сторону формирования новых форм социализма, или к перманентному состоянию замедленного развития?" [Lane, 1996, p. 194].

Внутри евразийской цивилизации и на ее основе после октябрьского переворота 1917 г. сформировалась и развивалась *этакратическая социетальная* (советская квазисоциалистическая) *система*, которая стала параллельной ветвью капиталистического индустриально-экономического развития, но с ее собственными законами функционирования¹. Об этом социально-экономическом порядке размышляли многие авторы, но можно считать, что его латентные характеристики и поныне недостаточно осмыслены. Одна из наиболее удачных попыток уточнить имеющиеся в науке позиции по проблеме отношений "власть-собственность", образующих ядро социально-экономической системы этакратизма, была предпринята Н. Плискевич [Плискевич, 2006; 2007].

Как писал М. Кастельс: "В XX веке мы жили, в сущности, при двух господствующих способах производства: *капитализме* и *стэйтизме* (в моей терминологии – *этакратизме*. – О.Ш.)... Капитализм ориентирован на максимизацию прибыли, т.е. на увеличение объема экономического излишка, присвоенного капиталом на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этакратизм ориентирован (был ориентирован?) на максимизацию власти, т.е. на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания" [Кастельс, 2000, с. 38].

Проблема состоит в том, что в то время, когда в странах Центральной и Восточной Европы этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он

---

* Статья написана по материалам исследования, проводимого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-03-00317а "Анализ воспроизводства социального расслоения в современной России: альтернативность перспектив в контексте вызовов информационной эпохи"), а также Научного фонда ГУ-ВШЭ (грант № 07-01-151 "Построение теоретической и статистической моделей воспроизводства реальных социальных групп и социального статуса индивида в современной России (на материалах представительных опросов 1994, 2002, 2006 гг.)").

¹ Концепция *этакратизма*, как объясняющая природу обществ советского типа, раскрыта, в частности, в [Шкаратан, 2004^а; 2004^б].

изменился, трансформировался, но сохранился как *неоэтакратизм*, не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В жизни современной России наличествуют два разнородных типа социально-экономических отношений. Они сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны: при доминировании не сошедшего со сцены этакратизма в России как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства.

Такой результат был запрограммирован всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма и "азиатчины", которые просуществовали в России многие поколения. В противовес ожиданиям многих российских интеллектуалов и власть, и собственность остались преимущественно в руках советской номенклатуры, повернувшей процессы приватизации, организации новой государственности и формирования новой властвующей элиты в свою пользу.

Сама природа того общества, из которого вышла перестройка и последующие реформы, такова, что социальные слои образовывали размытые множества. Даже в интенции у них отсутствовало осознание своих групповых интересов, специфической системы ценностей, единства образа жизни. Исключение составляла властвующая элита, обладавшая всей системой групповых признаков, включая самоидентификацию. Поэтому именно этакратия (номенклатура), а совсем не интеллигенция (как писали некоторые авторы), оказалась локомотивом социальных изменений. К этому следует добавить реальное распределение собственности в дореформенный период.

Другими словами, сложившееся к концу 1980-х гг. соотношение сил сделало неизбежным захват номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. Это был единственный путь мирного решения вопроса о собственности.

Административный рынок и номенклатурная приватизация

Советская этакратическая система до последних дней существования сохраняла свои системообразующие черты. В противном случае она бы давно рухнула в состязании с более жизнеспособными системами. Неизменными оставались такие доминанты ее воспроизводства, как: обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа "власть-собственность"; преобладание государственной собственности, исчезновение практически всякой (кроме теневой) экономической деятельности, не подвластной государственному регламентирующему воздействию; государственная собственность на рабочую силу, государственный найм как преобладающий источник средств существования для большинства населения, превращенного в государственно зависимых работников; государственно-монополистический способ производства; реализация государством собственности через передачу ее ведомствам, точнее, бюрократическому аппарату – реальному распорядителю государственными ресурсами, использующему их в своих корпоративных целях и групповых интересах; доминирование централизованного распределения; целевая функция экономической деятельности в этакратической социетальной системе – воспроизведение и усиление власти правящего слоя (экономическая эффективность не является определяющим критерием оценки экономической деятельности); милитаризация экономики; сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре власти и закрепляются в формальных рангах и соотносенных с ними привилегиях; определяющие позиции правящих групп, образующих этакратию, распоряжающуюся государственной собственностью; система социальных гарантий для низших слоев населения, обеспечивающая стабильность социума; социальная мобильность как организуемая сверху селекция наиболее послушных и преданных системе людей; отсутствие гражданского общества, правового государства и, соответственно, наличие системы подданства, партиократии.

Как только репрессивный режим перестал давить на этакратию, а господствующие слои получили гарантии личной и имущественной безопасности, неприкосновенности жилища и т.д., на первый план вышла проблема собственности. Началось личное накопление. Номенклатура, торговые работники, теневики, руководители военно-промышленного комплекса, пригретые политическими лидерами работники искусств – вот хозяева первичных предкапиталов, начавших складываться с середины 1950-х гг.

Однако ключевое значение в начавшихся процессах имело изменение системы управления государственной собственностью. Жесткую иерархическую командную систему управления экономикой из единого центра шаг за шагом сменяет административный (бюрократический) рынок, построенный на обмене – торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от обычного денежного рынка товаров и услуг на этом рынке происходит обмен не только материальными ценностями, но и властью, исключениями из правил, престижем, то есть всем, что имеет какую-либо ценность [Найшуль, 1991; Кордонский, 2000].

Директора предприятий из "винтиков" государственной машины превратились в активных субъектов торга. Но "торговали" они не столько между собой, что было бы залогом зарождения нормального рынка, а с вышестоящими начальниками. Этот торг шел по всей вертикали – от рядового рабочего до членов политбюро за принятие наиболее выгодных условий. Так, согласие директора предприятия на увеличение плана можно было обменять, например, на его служебное продвижение или на средства для строительства заводского жилого дома.

Поскольку в Центр пробиваться становилось все труднее, стали усиливаться горизонтальные связи. Их основные субъекты – директора и чиновники начали осознавать себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами. В новой ситуации значительно изменялись и их психология, и реальная практика управления. Высшие номенклатурные бонзы чувствовали себя достаточно уверенно, сделали крупный шаг по переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев. При внешнем господстве тотально-государственной собственности развивались своеобразные латентные процессы зарождения "квазичастной" собственности, шел процесс преприватизации собственности и складывания протокласса крупных собственников.

С точки зрения теории административного рынка Россия в период, предшествовавший перестройке и реформам, представляла собой совокупность офисов, контор, предприятий, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и обязательств. И эта система постепенно разрушалась: ведь чем сложнее становилось хозяйство, тем чаще не срабатывали вертикальные связи и эффект давали только горизонтальные. Центр потерял всякую экономическую функциональность. Инстинкт самосохранения понудил власть начать перестройку.

Задача долговременной трансформации состояла в том, чтобы раскрепостить отношения между предприятиями, ведомствами, дабы они могли стать агентами на рынке, заключающими между собой сделки, исходя из рыночных интересов. Этот процесс мог пойти по-разному: свестись к ремонту существующей системы, повышению ее эффективности или привести к ее демонтажу.

Приватизация и складывающийся социальный порядок

В 1985–1991 гг. подспудные процессы предыдущего периода вышли наружу. Началась открытая номенклатурная приватизация. В этом был социальный смысл реформ Рыжкова–Горбачева, вся выгода от которых досталась "своим" – хозяйственному и партийно-комсомольскому аппарату. Благодаря централизации государственной собственности и раздаче ее в "полное хозяйственное ведение" соответствующих должностных лиц (1987–1990 гг.) принцип владения ею из исключительно корпоративного превратился в корпоративно-индивидуальный. Подоспевшая приватизация (с 1992 г.) облекла ту же номенклатурную собственность в разного рода смешанные, полугосу-

дарственные формы и таким способом еще более надежно закрепила ее за номенклатурой, укрыла от притязаний других социальных групп. В итоге и власть, и собственность остались в руках прежних хозяев России.

Это объясняет бескровность "антикоммунистической революции". Поскольку этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупных собственников, некому было организовывать гражданскую войну за реставрацию старых порядков. Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом.

Номенклатурная приватизация не была единственным источником складывания слоев собственников. Был еще один канал преемственности в системах социального расслоения между "коммунистическим" прошлым и постсоветским настоящим – гигантская теневая экономика бывшего СССР. Все быстро выраставшие, начиная с 1987 г., новые формы экономической активности (кооперативы, малые и совместные предприятия и т.д.) создавались почти исключительно для торгово-посреднической деятельности. В них-то и легализовались хозяева и хозяйчики прежней теневой экономики [Кочетов, 1993]. В итоге борьбы обе прослойки к середине 1990-х гг. практически слились, но слились на основе сохранения власти и основной части собственности у номенклатуры [Гольденберг, 1995].

Процесс выхода номенклатурных чинов на коммерческую стезю начался в 1987 г. со специального решения ЦК КПСС о "комсомольском движении в рыночную экономику". Координационный комитет этого движения возглавил второй человек в партии, член политбюро и секретариата Е. Лигачев. Началось создание разнообразных коммерческих центров, обладавших огромными льготами и эксклюзивными возможностями в коммерческой деятельности. Причем контроль и реальное руководство за ними осуществляли высшие чиновники. Примером успешного включения "зачинателей" этого движения в настоящую, крупную даже по мировым масштабам, коммерцию может служить финансовая империя МЕНАТЕП, длительное время пользовавшаяся особой благосклонностью уже новых, ельцинских, властей.

В 1988–1992 гг. на месте министерств были созданы концерны, на месте госбанков – коммерческие банки, на месте госнабов и торгов – биржи, совместные предприятия (СП) и крупные торговые дома. Это был этап латентной (номенклатурной) приватизации, способствовавший концентрации финансового капитала. Именно номенклатурным частным структурам давалась чиновничеством привилегия делать большие деньги. Формой доверия государства к коммерческой структуре было присвоение статуса уполномоченного. Лидерами "уполномоченности" стали банки МЕНАТЕП, Инкомбанк; за ними следовали ОНЭКСИМбанк, Мосбизнесбанк, Мостбанк и др. Как правило, это были банки, созданные еще в конце 1980-х гг. при содействии партийных органов (Инкомбанк, МЕНАТЕП) или под эгидой правительственных структур (Международная финансовая компания, ОНЕКСИМбанк) [Крыштановская, 2002].

Приватизация советской распределительной системы закончилась созданием "комсомольских" бирж (МТБ, МЦФБ и др.), множества торговых домов, СП по международным торговым операциям. Тогда же, то есть до легальной, публично объявленной приватизации, произошел переход в частные руки ряда рентабельных производств. Так возникли концерн "Бутек", МНТК "Микрохирургия глаза", объединение известного предпринимателя М. Юрьева "Интерпром" и т.д. Были приватизированы и некоторые министерства: наиболее общеизвестный пример – Газпром. Но можно вспомнить и о концерне Тяжэнергомаш – приватизированном Министерстве тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения; о созданной на базе министерства корпорации (с 1993 г. – АО) "Транстрой". Многие министерства выделяли в своем "хозяйстве" наиболее лакомые куски и приватизировали их. В итоге возникли концерн "Норильский никель", крупнейшая компания "Алмазы России". Какое-то время они формально существовали в оболочке государственных компаний, корпораций, но

довольно быстро были преобразованы в частично или преимущественно приватизированные [Крыштановская, 2002].

Таким образом, в 1988–1991 гг. состоялась раздача собственности в номенклатурные руки, сохранившие и властные полномочия. В итоге сложился беспримесный номенклатурный псевдокапитализм в чрезвычайно выгодном варианте – лжегосударственной форме деятельности частного капитала. Это была келейная паразитическая приватизация без смены юридических форм собственности.

Начало открытой приватизации (с 1992 г.) означало ненасильственное изменение отношений собственности без (в большинстве случаев) смены владельца. По идее, можно было ожидать, что фиговый листок лжегосударственности станет спадать с номенклатурной собственности, что директора, министерские и другие чиновники продолжат пользоваться доходами по своему усмотрению, но государство уже не будет платить по их долгам, и они как собственники станут нормально выплачивать рабочим заработную плату. Другими словами, должен был бы начаться переход от лжегосударственной формы собственности к подлинно частной, к чисто рыночному перераспределению собственности.

В жизни процесс пошел преимущественно по другому вектору. Целью номенклатуры и соединившихся с нею новых крупных собственников было законсервировать отношения "ничейной собственности", чтобы, не неся за нее ответственности, пользоваться доходами с нее как с частной.

Другой источник формирования крупных капиталов, а соответственно, и крупной буржуазии – льготные кредиты, скрытые экспортные субсидии и дотирование импорта. Эти способы обогащения "новых русских" возникли еще в 1988 г. и приняли небывалые масштабы начиная с 1992 г. По мнению А. Ослунда, экономического советника правительства при Е. Гайдаре, "в выигрыше оказались банкиры, имевшие большие связи в верхах" и сосредоточившие субсидируемые кредиты промышленным и аграрным предприятиям. А на разнице в ценах на внутреннем и мировом рынках (нефть, металл, сырье), благодаря экспортным квотам и лицензиям, сколотили огромные состояния "люди с большими связями – должностные лица компаний-производителей, торговцы сырьем, коррумпированные чиновники". Также воздействовали на складывание феерически возникавших состояний и субсидии на импортные поставки в 1992 г. продовольствия. Импортеры платили всего лишь один процент действовавшего обменного курса при покупке валюты у правительства. Продукты продавались в России по обычным рыночным ценам, а субсидия пошла в карман импортерам. И Ослунд считает, что именно такими путями в России появились по-настоящему богатые люди – банкиры, представители нефтегазовой промышленности, торговцы и ряд высших чиновников [Ослунд, 1996].

Реальным приоритетом нового постсоветского режима была политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграла скоростная приватизация, практически подарившая правящей номенклатуре, в первую очередь ближнему президентскому кругу, иностранному капиталу (зачастую скупавшему предприятия, чтобы прекратить конкурентное производство), теневикам и криминалитету, громадную государственную собственность. И если издержки ее проведения на первом, ваучерном, этапе можно объяснить неопытностью правительства, скоротечными событиями 1992–1993 гг., то залоговые аукционы – это в чистом виде осознанные акции по формированию внеконкурентного политикообразующего крупного бизнеса, носящего компрадорскую направленность. Сюда же следует отнести пирамиду ГКО "для своих" с ее сверхдоходностью (характерно, что иностранцы длительное время не были допущены на этот рынок). Этот ряд надо дополнить и отсутствием контроля за вывозом капитала, и передачей электронных и самых влиятельных бумажных СМИ в руки придворных олигархов, и картиной социальных приоритетов ельцинского правления. Без всяких обоснований предполагалось, что эти нувориши каким-то образом одновременно превратятся в эффективных крупных собственников и образцовых менеджеров.

Россия оказалась чемпионом мира по скорости проведения приватизации. А. Чубайс совместно с другими организаторами процесса и стоявший за ними президент Б. Ельцин этим гордились и выдавали за великий успех. Но они обычно скромно умалчивали о символических суммах, полученных за проданные предприятия. В течение 1993–1999 гг. было приватизировано более 133,2 тыс. различных предприятий и объектов, за которые Россия получила 9 млрд 250 млн долл., или в среднем по 69,5 тыс. долл. за каждое из них. Среди приватизированных предприятий находились комбинаты-гиганты черной и цветной металлургии, крупнейшие предприятия машиностроения, нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности, морские и речные пароходства, часть собственности Газпрома и РАО "ЕЭС" и многое другое. Страны, в которых государственная собственность в экономике исторически никогда не занимала преобладающего положения, получили от ее реализации в 1990–1998 гг.: Бразилия – 66,7 млрд долл., Великобритания – 66 млрд долл., Италия – 63,5 млрд долл., Франция – 48,5 млрд долл., Япония – 46,7 млрд долл., Австралия – 48 млрд долл. От приватизации на душу населения в России было получено всего 54,6 долл., в то время как в Австралии – 2560,3 долл., в Португалии – 2108,6, в Венгрии – 1252,8, а в Италии и Великобритании более чем по 1100 долл. [Устинов, 2001].

Особенно показателен в этом отношении опыт бывших советских республик Балтии. Так, в Литве начальный этап приватизации давал возможность персоналу покупать относительно дорогие средние, а иногда и крупные по размеру предприятия *за персональные (именные) приватизационные чеки – ваучеры*. Поэтому в Литве почти 75% работников промышленных предприятий оказались их миноритарными акционерами. Это – социально ориентированная и наиболее солидаризирующая общество модель приватизации. И лишь с 1996 г. специально образованное Литовское приватизационное агентство приступило к открытой (на тендерах) продаже крупных предприятий за деньги. Но к этому времени в стране образовался широкий слой собственников, часть из которых стала, естественно, постепенно и цивилизованно концентрировать в своих руках значительный капитал [Симонян, 2003].

Такой же подход к приватизации был реализован и в Польше. Начав эти преобразования задолго до наших реформаторов, она постепенно и успешно их осуществляла. Многие крупные польские предприятия еще и в начале XXI в. находятся в собственности государства: не только потому, что они и так достаточно рентабельны, но и потому, что по соображениям геозащитной безопасности не должны переходить в частные руки [Колодко, 2001]. Лишь в апреле 2008 г. польское правительство приступило к массовой приватизации наиболее значимых объектов государственной собственности.

Сторонники форсированной приватизации в России прибегли к аргументу о безысходности сложившейся ситуации и угрозе советской реставрации. Подчеркивалось, что в этих условиях все средства хороши, лишь бы в кратчайшие сроки отказаться от максимально возможного количества функций государства в экономике. На самом же деле только в такой торопливой сумятице узкой группе лиц можно было безнаказанно присвоить национальные богатства огромной страны. Размышляя о феномене ускоренной российской приватизации, видный польский экономист экс-вице-премьер правительства Г. Колодко подчеркивает: "...основная цель тех, кто получает основную выгоду от ускоренной приватизации, заключается не в улучшении корпоративного управления, укреплении финансового баланса или повышении уровня жизни населения, а в приобретении ценных активов по заниженным ценам. Создается странная ситуация: убежденные сторонники свободного рынка агитируют за ускоренную распродажу государственного имущества, в том числе и приносящего прибыль, по ценам, гораздо ниже рыночных клиринговых цен" [Колодко, 2000, с. 199].

В 1993 г., когда в России началась чековая приватизация, по мнению академика В. Полтеровича, в стране не было ни предпринимателей, способных приобрести предприятия, ни менеджеров, умеющих руководить ими в условиях свободного рынка, ни рыночной инфраструктуры. К этому добавились криминальная обстановка, продаж-

ность чиновников, отсутствие эффективного контроля за процессами приватизации. Многие предприятия оказались недооцененными в десятки и сотни раз, так что их будущие собственники могли рассчитывать на огромные прибыли. Добавлю к этому сознательную, сомнительную по своей легитимности, подмену президентом и проводившим акцию Чубайсом именных ваучеров безымянными бумажками, немедленно ставшими предметом безудержной спекуляции.

"Была ли возможна менее затратная стратегия? – задает вопрос Полтерович. – Я склоняюсь к положительному ответу на этот вопрос. Приватизации должна была предшествовать коммерциализация. Начинать следовало с мелких предприятий после стабилизации цен. Приватизацию средних по размеру предприятий надо было отложить на 5–6 лет, как это сделала Польша, а гиганты сырьевого комплекса должны были оставаться в государственной собственности еще лет 20. Вложив средства и усилия, затраченные на приватизацию, на совершенствование управления государственными предприятиями, можно было избежать и спада в 40% ВВП, и проблем нелегитимности частной собственности, которые терзают нас до сих пор". К этому выводу он добавляет: «...и эксперты, и, тем более, политики должны принимать во внимание предпочтения граждан, а не только свои собственные. Весьма правдоподобно, что подавляющее большинство россиян предпочло бы уменьшить общественные потери от приватизации ценой некоторого увеличения "риска возврата" (прежней советской системы. – *О.Ш.*). На мой взгляд, этот риск в начале 1992 г. был незначительным» [Полтерович, 2005, с. 10–11].

Идейную базу под такую приватизацию, приведшую к коллапсу экономики, подвели неолибералы, американские специалисты, которые были привлечены для работы в правительстве. В частности, они сыграли ключевую роль в проводимой политике в сфере приватизации. Так, приказом председателя Госкомимущества РФ Чубайса от 31 июля 1992 г. был создан состоящий из американских экономистов "Отдел технической помощи и экспертизы" во главе с Дж. Хэем, занимавшийся накоплением и обработкой данных о хозяйственном комплексе России и консультацией российских реформаторов [Сакс, 1994].

Лауреат Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглиц во время своего визита в Москву в 2004 г., когда уже проявились и положительные, и отрицательные стороны постсоветского развития страны, отметил, что принятая российским руководством за основу базовая экономическая модель, разработанная международными финансовыми институтами, "несет в себе очень глубокие недостатки". По его мнению, "позиция МВФ вообще никогда не имела ничего общего с экономической наукой и настоящей рыночной экономикой, она в основном несла в себе идеологический заряд. Эта модель основана на убежденности в том, что рынок сам по себе решит все проблемы... но рынкам присуща масса серьезных проблем. И если мы говорим о необходимости успешного роста, стабильного общества, нужно обеспечить баланс между рынком и государством".

В частности, приватизация, по его словам, не может быть самоцелью. Он, как и многие другие авторитетные экономисты, опирается при этом на пример Китая. Относительно России, считает Стиглиц, "сейчас приходится говорить о недостаточно законно проведенной приватизации, недостатке инвестиций, несправедливом распределении ресурсов. Проблема в том, что в России был принят совершенно неверный, искаженный взгляд на суть рыночной экономики. Конечно, кто-то получил от этого огромную выгоду". В противовес российским неолибералам, этот выдающийся ученый, бесспорный сторонник рыночной экономики, предлагает "восстановить веру в государство", одной из задач которого он считает принятие "философии", заключающейся в том, что "естественные ресурсы принадлежат народу" [Стиглиц, 2004].

Его рекомендации состоят не в деприватизации, не во вмешательстве в права собственности, а в том, чтобы ввести в России "чрезмерный налог на прибыль с капитала". Скажем, налог в размере 90% может быть установлен на "чрезмерную" прибыль, заработанную в результате приобретения государственной собственности. Это значит –

на доходы, которые превышают 10% от суммы выручки от первоначальных инвестиций собственного капитала" [Стиглиц, 2003].

Необходимо также принять во внимание различие между формальной законностью приватизации и ее общественной признанностью. Законность обеспечивалась соответствующими законодательными актами и указами президента. Признанность зависит от существующих традиций и сложившихся в обществе ценностей и норм. Данные Левада-Центра показывают, что большинство населения не признают законности проведенной приватизации. Согласно данным опросов, 37% респондентов в 2003 г., 43% – в 2005 г., 37% – в 2007 г. поддерживали идею ренационализации приватизированных крупных компаний. Соответственно, 31%, 32% и 37% согласились, что ренационализацию нужно провести в тех случаях, когда доказано, что компании были приватизированы незаконно [Общественное... 2007, с. 141].

Глава Счетной палаты РФ С. Степашин, рассматривая вопрос о характере и последствиях прошедшей в стране приватизации, отметил, что масштабы российской экономики резко занижены из-за недооценки стоимости активов в процессе приватизации. По оценке экспертов, в сумме такое занижение может составлять от 40 до 400 трлн долл. Кроме того, огромен объем нелегитимных активов, который образуется незарегистрированной (неоформленной) собственностью. Три четверти предприятий были проданы при отсутствии какого-либо внешнего финансового контроля. А впоследствии приватизаторы старались не допустить представителей Счетной палаты к анализу условий приватизационных сделок, к оценке стартовой цены. В докладе Счетной палаты РФ приведены примеры чудовищной распродажи за цену в 10–30 тыс. долл. таких предприятий, как "Авиационный комплекс им. С.В. Ильюшина"; "Московский вертолетный завод им. М.Л. Миля", хотя на момент приватизации там имелись изготовленные самолеты и вертолеты на десятки млн долл. Обобщив данные, Счетная палата признала оправданными меры по возврату в бюджет сверхприбыли, которую новые собственники получили вследствие крайне низкой оценки активов или искусственно созданных преференций, путем обложения специальным четко фиксированным налогом [Степашин, 2006].

Эта идея подтверждается и позитивным опытом такой образцовой в смысле защиты прав собственности страны, как Великобритания. Там парламент в июле 1997 г. утвердил новый налог, который должны были выплачивать компании, получившие крупную выгоду от приватизации государственного имущества в 1980 г. Его размер составил 23% от разницы между стоимостью приватизированной собственности в 1997 г. и его продажной ценой в 1980 г. Доходы в британский бюджет составили тогда 5,2 млрд фунтов. По существу, это налог на незаработанные сверхдоходы.

Ввести такой компенсационный налог в России было предложено партией Яблоко еще в 2003 г., то есть до сходных предложений Счетной палаты. Очевидно, что подобный налог – не только и не столько фискальная мера, а прежде всего инструмент решения двух проблем: сокращения аномальных масштабов социального неравенства; возрождения духа национальной солидарности, снятия социально-психологического напряжения, моральной и материальной компенсации за варварскую приватизацию, наконец, легитимации капиталов [Явлинский, 2004; Митрохин, 2005].

Все большее сосредоточение власти и собственности в одних руках препятствует формированию цивилизованной рыночной экономики и ведет к коррупции, экономической стагнации и обнищанию населения. Менее двух десятков крупнейших компаний и банков контролировали к концу 1990-х гг. примерно 70% экономики России ("Известия", 17 марта 1998 г.). По данным председателя объединения предпринимателей "Деловая Россия" Б. Титова, успехи в развитии национальной экономики в 2000-е гг. – это прежде всего успехи крупных государственных и частных компаний, у которых нет конкурентов на внутреннем рынке, как, впрочем, нет и самой конкуренции. Если в 2000 г. 80% ВВП у нас производили 1200 компаний, то в 2007 г. – всего 500 [Титов, 2007, с. 13].

Неоэтакратизм как социально-экономическая система современной России

Природу сложившейся в постсоветской России социально-экономической системы можно охарактеризовать как этакратизм в новой фазе его развития. Капитализм – царство частной собственности. Что касается неоэтакратизма, то в нем господствует принципиально другой тип собственности. Ее называют "приватизированной", что по смыслу слова – синоним "частной", однако она представляет собой вполне оригинальное явление и по ряду существенных признаков совершенно ей противоположна. Частная собственность носит производительный, созидающий характер. Частным здесь выступает не только присвоение собственности, но и ее производство. Норма при этом – преобладание производства над присвоением.

В современной России принцип "частности" действует в основном в сфере присвоения, которое отнюдь не лимитировано производством. Через присвоение приватизаторы, как правило, овладевали ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия. Ничего удивительного, что нашим олигархам практически невозможно защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку, в принципе, эта собственность остается ничьей, как и в советское время.

Капиталистическая частная собственность универсальна. Частнособственнические принципы распространяются и на рабочую силу, и на интеллектуальные способности, и на индивидуальное жилище и т.д. "Приватизированная" собственность – достояние немногих. Как и ее предшественница – корпоративная собственность советской номенклатуры, – она представляет собой сословную привилегию правящего слоя.

Современный капитализм и новый российский строй не просто далеки друг от друга: они антиподы. Деграция малого и среднего бизнеса, постоянное игнорирование прав профессионалов на интеллектуальную собственность, незащищенность труда – главной собственности рабочих – не просто случайные факты, не ошибки государственной политики, а *органичная черта экономической системы, либеральной по форме и стейтистской по содержанию*, с ограниченной независимостью частных бизнесменов.

Устойчивость неоэтакратических отношений отражена в функционировании институтов собственности, где отношения "власть-собственность", весьма характерные для данного типа общества, проявились в новой оболочке. Еще в ранние времена президентства Б. Ельцина приватизация собственности и финансов причудливо сочеталась с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти. Не в силах в течение 1990-х гг. легально конкурировать с частным бизнесом по уровню заработной платы, государство воссоздало систему привилегий для высшего и среднего управленческого звена. Так, владения Управления делами президента значительно превысили собственность Управления делами ЦК КПСС, а степень контроля за использованием предоставляемых чиновникам дач, автомашин, услуг медицины, охраны и т.п. значительно снизилась [Вишневский, 2006; Сакс, 1994].

В годы правления В. Путина окончательно сформировались новые доминирующие модели поведения, характерные для нового этапа в развитии так называемых отношений "власть-собственность" и "приватизированной собственности". Одним из таких явлений можно назвать возникновение компаний с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами – так называемое "частно-государственное" партнерство. Привлечение частного капитала (обычно символическое) используется этими корпорациями для управления огромными государственными активами стоимостью в десятки и сотни миллиардов долларов без какого-либо контроля со стороны формального владельца – российского народа, чьи интересы должны представлять Дума или правительство. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства (другими словами, его присвоение) сосредоточен в руках государственных чиновников и их исполнительных директоров – менеджеров этих корпораций [Илларионов, 2006].

Правящий слой бюрократии намеренно укрепляет свои позиции как собственника в стратегических отраслях экономики. Этот процесс начался в 2003–2005 гг. с применения судебных процедур, согласованных действий налоговых органов и прокуратуры (пример – ЮКОС) и путем покупки ранее приватизированных активов (примеры – Сибнефть, ОАО АвтоВАЗ). Тогда же, в 2005 г., президент выступил с инициативой о формировании закрытого перечня отраслей или объектов, которые должны находиться под "преимущественным контролем отечественного, в том числе государственного, капитала" [Послание...2005, с. 22–23]. По оценке В. Мау, «трудно трактовать случай ЮКОСа как менее затратный для государства. "Дешевая" покупка "Юганскнефтегаза" породила намного более негативную реакцию среди инвесторов и граждан, чем "дорогая" покупка "Сибнефти". Если учесть потери в репутации, то издержки данной "дешевой" покупки могут оказаться весьма значительными» [Мау, 2006, с. 17].

Особенно активно работа по созданию огромных государственных корпораций развернулась в 2007 г. В мае был принят Федеральный закон "О Банке развития" с капиталом в 250 млрд руб. В его функции вменено управление внешним и внутренним валютным долгом и пенсионными накоплениями, поддержка приоритетных отраслей экономики, инвестиционная деятельность.

19 июля 2007 г. был принят Федеральный закон "О Российской корпорации нанотехнологий" для реализации проектов создания перспективных нанотехнологий и nanoиндустрии с первоначальным капиталом в 130 млрд руб. В том же месяце, 21 июля, был принят Федеральный закон "О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства", чья задача – стимулирование реформирования ЖКХ, расселения ветхого жилого фонда. Первоначальный капитал, выделенный государством этой корпорации, – 240 млрд руб. В том же году было запроектировано создание таких гигантских госкорпораций, как "Росатом", "Ростехнологии" (задача – обеспечение разработок, производства и экспорта высокотехнологичной продукции), "Автодор", "Росрыбфлот" и др.

Этот процесс еще не нашел глубокого анализа в отечественной литературе. Странники ранее доминировавшего в политике неолиберального направления отнеслись к огосударствлению столь значимых блоков национальной собственности весьма критически. Так, Е. Ясин не без оснований считает, что чем больше подобных явлений, тем меньше у страны шансов стать развитой. Его беспокоит, что в стране сложилась кланово-корпоративная структура, в которой высшие слои бизнеса и бюрократии переплетены. Эта структура заостенела и чувствует себя гарантированной от потрясений на ближайшие 15 лет ("Новая газета", 2–5 августа 2007 г.). Оппоненты (М. Делягин, С. Глазьев и другие), напротив, считают, что только усилия государства и массивное государственное вмешательство помогут России достигнуть наибольших экономических успехов. Их аргументы основаны на опыте "нового курса" Ф. Рузвельта, стран Юго-Восточной Азии, особенно Китая. Опросы населения, проведенные Левада-Центром, показывают доминирование в общественном мнении второй точки зрения [Общественное... 2007, с. 19, 31].

Выводы одного из аналитиков, осуществившего серьезные межстрановые сопоставления, показали, что "в настоящее время основные рецепты экономического роста представляют собой столь сложные комбинации вмешательства и невмешательства государства, что его корреляции с каждой отдельной формой регулирования стали почти незначимыми" [Цирель, 2007, с. 109]. По мнению известного французского экономиста, специалиста по российской экономике профессора Ж. Сапира, на конец 2007 г. «в отличие от прежних времен в стране сложился определенный консенсус между, скажем так, "интервенционистами", то есть сторонниками государственного вмешательства в экономику, и теми, кого можно назвать "либералами". Чувствуется, мысль о том, что государство должно играть весомую роль в этих вопросах, достаточно глубоко пустила корни в России» ("Российская газета", 17 ноября 2007 г.).

Генеральный директор одной из новых госкорпораций ("Ростехнологии") С. Чемезов следующим образом аргументировал целесообразность их деятельности: "В эко-

номике страны есть такие сектора, где реальна быстрая окупаемость вложенных средств и получение немалых прибылей. Туда охотно идет частный бизнес, и госкорпорации там не нужны. Однако существует ряд отраслей: авиация, судостроение, машиностроение, где процесс окупаемости вложенных средств и тем более получение дивидендов растягивается на многие годы. Вот здесь и необходимы госкорпорации и крупные холдинги. Иного пути у нас просто нет" ("Известия", 28 декабря 2007 г.).

Это звучит убедительно, но в то же время есть в жизнедеятельности российских госкорпораций аспекты, тревожащие в равной степени и либералов, и государственных чиновников. Бюджетные деньги, которые попадают в госкорпорации, становятся частью их уставного капитала и переходят в частную собственность. На этой передаче бюджетных средств роль государства, по существу, заканчивается. Очевидно, что мы имеем дело со структурами, уже не принадлежащими государству. Бюджетные средства, которые попадают в госкорпорацию, фактически "растворяются" в ней. То есть менеджмент практически свободно распоряжается ресурсами госкорпорации, как если бы они были частными.

Реально госкорпорации – частная собственность. (Согласно определению из Общероссийского классификатора форм собственности, "частной собственностью является имущество, принадлежащее на праве собственности гражданам или юридическим лицам".) При этом получение прибыли – не основная цель деятельности госкорпораций. Их задача – стимулирование развития соответствующего сектора экономики. Согласно законодательству, они носят некоммерческий характер, никоим образом не замещают частный бизнес.

Добавлю к этому, что по Федеральному закону "О некоммерческих организациях" (1996 г.): "Государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона. Имущество, переданное государственной корпорации Российской Федерацией, является собственностью государственной корпорации. Государственная корпорация не отвечает по обязательствам Российской Федерации, а Российская Федерация не отвечает по обязательствам государственной корпорации, *если законом, предусматривающим создание государственной корпорации, не предусмотрено иное* (курсив мой. – О.Ш.)".

Природа формирующейся социетальной системы проявилась и в политике по отношению к профессионалам – потенциальному ядру нового среднего класса. Во время путинского периода и экономического роста ресурсы государства и общества увеличились. С 2000 г. стала проявляться устойчивая тенденция в государственной политике, основанной на советской традиции взаимодействия между элитой и слабыми социальными группами в ущерб интересам среднего слоя. Дополнительные ресурсы были частично использованы для стабилизации и улучшения положения низших групп.

Подтверждением неэффективности социально-экономической системы позднего этатризма, закрепившегося в России, являются основные экономические показатели. Объем ВВП (здесь и далее – по паритету покупательной способности) в 2006 г. составил по отношению к 1989 г. – 93%. В 2007 г. экономический прирост составил еще 8,1%, что дало, наконец, возможность достигнуть уровня 1989 г. [Transition... 2007] (см. также "Известия", 15 февраля 2008 г.). Для сравнения приведу всего лишь один показатель. В 2006 г. все посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы превзошли ВВП предреформенного 1989 г. (Польша – на 58%, Словения – на 41%, Словакия – на 37%, Венгрия – на 34%, Чехия – на 30% и т.д.); в среднем по этой группе стран прирост ВВП за 2007 г. составил 5,8% [Transition... 2007]. Еще более обескураживающи сопоставления с Китаем, где ВВП с 1978 по 2006 г. увеличился более, чем девять раз; темпы экономического роста на протяжении последних 20 лет составляли 9,4% в год, а доходы на душу населения выросли почти в шесть раз [Иноземцев, 2007, с. 187].

Все эти показатели, особенно реальные доходы населения, оценивались в канун реформ их сторонниками как совершенно недостаточные, которые должны быть в ближайшее же время существенно повышены. И в этом виделся смысл реформ. Что же касается приватизации государственной собственности, открытия отечественной экономики по отношению к внешнему миру, введения рыночных свобод во внутренних и внешних отношениях и т.д., то все эти меры по либерализации экономики предполагались лишь как средство, а не как цель развития России. После 15 лет трансформаций можно уверенно сказать, что Россия не совершила переход к либеральной капиталистической экономике.

При этом трансформационный период 1990-х гг. ознаменовался не только резким уменьшением масштабов экономики, но и сильнейшими структурными деформациями. Спад производства в 1990-х гг. превысил аналогичные показатели Великой Отечественной войны. В стране оказалась подорванной база высоких технологий и фундаментальной науки, прошла волна деиндустриализации, причем в ключевых отраслях промышленности спад превысил 70%. К концу 1990-х гг. по объему внешнего долга страна вышла на первое место в мире (более 1 тыс. долл. на душу населения) при федеральном бюджете, уступавшем в долларовом исчислении бюджету Греции или Финляндии, и при уровне федеральных расходов на образование, сопоставимом с бюджетом одного крупного американского университета [Смолин, 2007, с. 55].

Оживление российской экономики начиная с 1999 г. обеспечивалось преимущественно экспортом энергоносителей и ростом торговли, а не наращиванием производства продукции с высокой добавленной стоимостью. По мнению многих аналитиков, технологические сдвиги в российской экономике приобрели явно регрессивный характер и выразились в деградации ее научно-производственного потенциала. Если в конце 1980-х гг. доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений, составляла около двух третей, то в 2002 г. она упала до 9,8% (типичный для развитых стран показатель – 70%). Интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности снизилась до 1%, а уровень инновационности продукции составил примерно 10%. Доля России в мировом наукоемком экспорте продукции гражданского назначения ныне составляет 0,5%, тогда как доля США – 36%, Японии – 30%, Германии – 16% и Китая – 6% [Группа... 2006, с. 88, 92; Глазьев, 2007, с. 31; Нарышкин, 2007, с. 53–54].

В итоге по общему (сводному) индексу мировой конкурентоспособности Россия в 2002 г. находилась на 41-м месте (этот индекс отражает затраты страны на достижение, включая открытость экономики, роль правительства, развитие финансовых рынков, качество инфраструктуры, технологии, управления бизнесом, юридических и политических институтов и т.д.). В 2006 г. по показателю уровня конкурентоспособности Россия опустилась на 62-е место среди 125 государств мира [Рукавишников, 2007, с. 36].

Экономическая политика руководства страны в 2000-е гг. и подходы к формированию федерального бюджета на 2008–2010 гг. демонстрируют стремление сосредоточить нефтегазовую ренту в специальном Нефтегазовом фонде и направлять в Стабилизационный фонд (с 1 января 2008 г. разделен на два фонда – Резервный фонд и Фонд будущих поколений) все сверхдоходы нефтегазового происхождения. Между тем в течение 15 лет в России практически не осуществлялось строительства и модернизации автомобильных и железных дорог, генерирующих энергетических мощностей, сетевого и аэропортового хозяйства и т.д. Так, износ основных фондов на железнодорожном транспорте в 2001–2005 гг. вырос с 54,1% до 63,9%. С 1992 г. количество аэродромов сократилось более чем в три раза, а износ взлетно-посадочных полос достиг 80%. Таким образом, инфраструктура российской экономики в условиях гигантски возросших доходов от эксплуатации природных ресурсов во многом продолжала разрушаться. Такой экономической политики не встретишь в мировой практике [Лавровский, 2007, с. 153–154].

Приведу обширную цитату из статьи А. Кивы, отмечающего, что «не случайно среди экономистов появился термин "неразвитие". Притом, что причины его не совсем ясны. Например, директор Института экономики РАН член-корреспондент РАН Р. Гринберг считает, что за этим стоит договоренность между развитыми странами и генералами нашего ТЭК. Научный руководитель того же института академик Л. Абалкин полагает, что министры экономического блока правительства, в частности министр финансов А. Кудрин, следуют предписаниям Вашингтонского консенсуса (разработанного Мировым банком и МВФ), в пух и прах раскритикованным нобелевским лауреатом по экономике американцем Дж. Стиглицем. Директор Института океанологии РАН академик Р. Нигматулин основную причину видит в элементарном непонимании властями законов развития экономики. Однако есть и более спорные точки зрения – вплоть до экзотических. Согласно одной из них, чиновники высокого ранга имеют свой интерес в сырьевом секторе экономики и потому вполне открыто лоббируют его развитие в ущерб реальному сектору» [Кива, 2007, с. 6–7].

Либерализованная экономика постсоветской России на данном этапе развития приобрела неадекватную, архаическую социальную и политическую "оболочку". Столь неблагоприятный вариант трансформационных процессов стал следствием сложного переплетения исторических факторов, внутренней социально-политической ситуации и неблагоприятных внешних воздействий.

Для того чтобы добиться такого "успеха", правящие круги переломили демократическую активность масс, удержали Россию от демократической революции, наподобие тех, что прошли в Венгрии, Польше, Чехии – странах, вставших на путь подлинно капиталистического и демократического развития. Как откровенно и точно высказался Ельцин: "В сентябре–октябре (1991 г.) мы прошли буквально по краю, но смогли уберечь Россию от революции" ("Российская газета", 20 августа 1992 г.).

Вернемся в этом контексте к событиям 1991–1993 гг., которые в исторической ретроспективе могут быть оценены как точка бифуркации. По форме они выглядели как захват власти буржуазией (или протобуржуазией). Лидерами выступали группы неолибералов во главе с Е. Гайдаром, А. Чубайсом, П. Авенном, К. Кагаловским и другими молодыми неопитами, зачислявшими себя в стан демократов. Но почему-то и вчерашние диссиденты, и демократы-шестидесятники оказались на обочине событий в отличие от вчерашних вполне благонамеренных представителей младшего поколения кандидатов в номенклатуру.

Отечественные неолибералы своими героями и моделями политического поведения видели М. Тэтчер и чилийского диктатора генерала А. Пиночета. Так что демократами они именовали себя безо всяких на то оснований. Воспользовавшись неопределенностью в расстановке сил в ходе противостояния президента и парламента в августе–октябре 1993 г., неолибералы вооруженной рукой разгромили (разогнали) Московский, Санкт-Петербургский и районные советы этих городов – средоточие неорганизованных и неопытных демократов. Однако процесс пошел даже не в сторону прихода к власти термидорианской буржуазии. Проблема была в доминирующей линии развития.

Неолибералы и "назначенные олигархи" были использованы властными структурами, контролируемой вчерашней советской номенклатурой, для укрепления позиции этой восставшей из руин советской системы властвующей элиты. Одни из них даже пополнили номенклатурные ряды, другие послужили "кошельками" для подлинных хозяев страны на переходный период, то есть до прихода к руководству России Путина и выходцев из силовых структур.

Не случайно контрольные позиции в процессе принятия решений и их осуществления на высших этажах власти в стране достаточно быстро заняли представители динамичной части советской номенклатуры, возглавленной Б. Ельциным, В. Черномырдиным и компанией (Ю. Петров, В. Шумейко, Ю. Скоков, О. Лобов и др.). Вчерашние секретари обкомов КПСС, офицеры КГБ оказались в ближнем окружении первого президента России. Через несколько месяцев они заняли позиции вице-премьеров и министров, руководителей администрации президента. Символичным стал приход в

качестве утвержденного парламентом и полностью поддержанного президентом премьер-министра страны Черномырдина. Это был крупный советский чиновник, в прошлом член ЦК КПСС, министр нефтяной и газовой промышленности СССР, однозначно показавший себя сторонником приватизации государственной собственности в пользу номенклатуры. *Таким образом, после разгрома парламента осенью 1993 г., после принятия новой конституции стал оформляться социально-экономический и политический порядок – неоэтакратизм.*

Что же случилось за полтора десятка лет, которые прошли после обрушения советской империи на территории именно России? Удалось ли России выйти из ограничившего ее включение в мировой процесс развития состояния этакратической закрепченности? После распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В социально-экономической жизни современной России наличествуют два разнородных типа социально-экономических отношений, которые сосуществуют, взаимодействуют и в совокупности образуют качественно новое явление в истории страны. При доминировании не сошедшего со сцены этакратизма в России как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства. Это – неоэтакратизм.

Основные этапы становления неоэтакратизма

Неоэтакратизм прошел три основных этапа своего становления. Первый этап начался еще в поздние советские времена, с процессом захвата номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. О нем речь шла в начале этой статьи. Тогда, напомним, собственность не была окончательно оформлена как частная, контролировавшие ее лица оказались свободны от ответственности за нее, но неограниченно ею распоряжались, включая присвоение доходов и бесконтрольную продажу имущества. В этот первый период привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим слоем, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического контроля над государством и обществом. Приватизация собственности и финансов органично сочеталась с укреплением номенклатурного характера аппарата государственной власти.

Российская бюрократия, как показали все обследования, сохраняла определяющие позиции в государственной власти. Так называемые свободно-рыночные силы были зависимы от государственной бюрократии, но их роль и влияние постепенно нарастали. Реальным приоритетом нового постсоветского режима стала политика по концентрации ресурсов нации в руках незначительного меньшинства. Решающую роль здесь сыграла скоростная приватизация.

Временной точкой, определившей завершение первого периода противоборства и одновременно взаимодействия этих subsystemов протовластных групп в системе слабеющей государственности, стали выборы президента в 1996 г. Наступил этап, когда так называемые "олигархи" захватили определяющие позиции в государственном управлении; как тогда выражались, олигархи "приватизировали государство". Этот, второй, период продлился примерно до 2000–2001 гг.

На словах пришедшие к власти лица и организации заявляли, что они выражают свободно-рыночное направление развития страны, что они – носители демократических и либеральных начал в развитии общества, создают условия формирования гражданского общества и его организаций. Однако государственная бюрократия и подведомственные ей структуры сохранили свои властные и управленческие функции, но оказались в теснейшей взаимосвязи и зависимости от узкой группы олигархов ("семибанкирщина" и т.п.).

В этот период под видом власти бизнеса страной управляла кучка беспринципных "прихваторов", тесно переплетенная с высшим политическим руководством, совместно игнорировавших интересы среднего и малого предпринимательства, поделив-

ших между собой природные ресурсы страны, особенно энергоресурсы. Они вывозили за рубеж свои многомиллиардные доходы и спокойно наблюдали за деградацией науки, культуры, высоких технологий и вымиранием, в прямом смысле слова, своих соотечественников. Отношения "власть-собственность" оставались примерно прежними, с той разницей, что в связке "олигарх-чиновник" установилось более тесное взаимодействие. Российский бизнес в широком смысле так и не стал ни полноценным политическим актором, ни подлинно частнокапиталистическим. Контракт-отношения между бизнесом и чиновничеством вели к деструкции бизнеса и продолжению упадка экономики страны.

Третий этап пришелся на 2000-е гг. и связан с именем Путина. Это этап придания неэтакратизму как в сфере экономики, так и в сфере политики адекватных его имманентной сущности институциональных и ценностно-мотивационных форм. В течение весьма короткого периода роль основных акторов и на экономической, и на политической сценах перешла к представителям силовых ведомств, бюрократии и объединяющей их "вертикали власти". Как писал блистательный молодой экономист А. Яковлев, "модель неформальной приватизации власти в интересах бизнеса, характерная для 1990-х годов, постепенно сменяется моделью неформального же захвата бизнеса и подчинения его интересам ведомств" [Яковлев, 2006, с. 132].

В подтверждение этой мысли он приводит следующие аргументы. Оставаясь неподконтрольным не только обществу, но и высшей политической власти, государственный аппарат стал играть все более важную роль в экономической жизни. Данные опросов руководителей российских предприятий показали, что вопреки широко распространенному мнению арбитражные суды достаточно эффективны при разрешении споров между предприятиями, но, напротив, вероятность выиграть иск и добиться исполнения судебного решения в случае конфликта с государственными органами маловероятна. "Это означает, что угроза нарушения прав собственности в России сегодня исходит скорее не от инсайдеров, а от государственного аппарата, преследующего свои бюрократические или политические цели" [Яковлев, 2006, с. 132].

В итоге существенно изменились отношения чиновничества и бизнеса. В 1990-е гг. бизнесмены покупали чиновников. Тем самым они обеспечивали себе конкурентное преимущество – доступ к ресурсам, возможность снизить издержки. Именно бизнесмен был главным бенефициаром сделки. В 2000-е гг. в характере коррупционной сделки произошли качественные иерархические изменения. На каждом этаже коррупционной пирамиды чиновник стал могущественнее бизнесмена. Он перестал быть просителем, превратившись в хозяина. Чиновничье сословие предьявило и получило право на ту прибыль, которая ранее принадлежала бизнесмену. Оно стало бенефициаром коррупционных сделок. Если раньше сделка давала возможность улучшить конкурентные преимущества, то теперь это лишь способ минимизировать потери, но без гарантии сохранить бизнес.

Символом изменения позиций крупного преимущественно рентополучающего бизнеса в конфигурации социальных сил в обществе и власти стало так называемое "дело ЮКОСа". С осени 2003 г. ведущие частные корпорации и их руководство лишились возможности напрямую участвовать во власти, в том числе путем поддержки по собственному выбору оппозиционных режиму политических партий. Под все более жесткий контроль начала ставиться деятельность организаций гражданского общества, образующих естественную жизненную среду конкурентно-рыночных отношений и служащих для бизнеса каналом реализации себя как субъекта властных отношений. Широкое развитие получили компании с преимущественно государственными активами и миноритарными акционерами. Абсолютный контроль над подавляющей частью национальных активов, и прежде всего над стратегическими отраслями экономики, вновь сосредоточился в руках политического руководства страны и государственных чиновников – менеджеров этих корпораций.

Итак, преодолев сложности переходного периода, достигнув определенных успехов в восстановлении и развитии экономики, в социально-экономическом отношении Россия после определенных колебаний исторического маятника как бы вернулась назад,

к застойным формам этакратизма, правда, в новой оболочке. Присущие этакратическому обществу слитные отношения "власть-собственность" хотя и сосуществуют с частнособственническим бизнесом, но по существу остаются неизменными. Этот бизнес как носитель свободно-рыночных отношений подмят под себя государственно-бюрократическими структурами. Последние успешно взаимодействуют как с государственными монополиями, так и с частными, обеспечивающими государственно-бюрократический порядок ("вертикаль" неозтакратического устройства страны). Не случайны "успехи" власти по умножению числа миллиардеров и фантастическому росту их активов. Перефразируя известное выражение, можно сказать, что уполномоченные властвующими быть миллиардерами променяли возможность напрямую участвовать во власти на положение политически немощных богатейших в мире людей – социальную опору режима.

Таким образом, Россия не стала типичной рыночной и либерально-демократической европейской страной. В ней продолжились и восторжествовали отношения раздатка (в терминах О. Бессоновой [Бессонова, 2006]), а не современного цивилизованного рынка. Властные отношения, с присущей им номенклатурной иерархией и сословными привилегиями правящего слоя, сохранили свое доминирование над отношениями собственности. Яковлев обескураженно констатировал: «Складывается ощущение, что в России постепенно восстанавливается – хотя и в более "рыночных" и "демократических" формах – та иерархическая система, которая была характерна для советского времени и которая гасила импульсы к изменениям и к развитию, исходящие не из центра или не согласующиеся с его установками» [Яковлев, 2006, с. 345].

Россия как бы осталась в советском времени и пространстве, если брать в основу анализа латентные характеристики и доминирующие социально-экономические структуры, хотя и позаимствовала в процессе постсоветской трансформации многие атрибуты частнособственнической экономики и демократической организации общества. Крах коммунистической системы в России означал лишь новый этап этой эволюции специфической евразийской цивилизации, сущностно отличной от европейской (атлантической) по институциональной структуре и системе ценностей.

После короткого периода неопределенности бюрократия и силовые структуры, объединенные через "вертикаль власти", вновь стали основными акторами экономической и политической сцены, подчинили себе крупный российский бизнес, утративший свою частную и капиталистическую сущность. Более привычными становятся крупные государственные компании с многочисленными миноритарными акционерами, практически исключенными из управления. Основная часть национального богатства сосредоточена в руках государства. Тем не менее, несмотря на столь ярко выраженные черты этакратизма, в стране одновременно сосуществуют зачатки частной собственности и рыночной экономики.

О стратификации в неозтакратическом обществе

Очевидно, что в том специфическом социально-экономическом порядке, каковым является неозтакратизм, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия должны носить специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия, четко охарактеризованная В. Ключевским. Ученый отмечал, что в сословной системе группы различаются юридическими правами, которые, в свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от этих обязанностей. Они же являются основой дифференциации. Причем под обязанностями имеются в виду обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Принадлежность к сословию передается по наследству, но не строго, что способствует относительной открытости данной системы [Ключевский, 1918].

В традициях национальной исторической школы, олицетворяемой такими классическими именами, как С. Соловьев, В. Ключевский, П. Милуков, Г. Вернадский, всегда подчеркивалась специфика социально-культурного пространства России по сравнению с Западной Европой. Не признавалось существование феодализма в средневековой России [Черникова, 2005]. Аграрная революция начала XX в., сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным для него огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном. На этой основе стало возможным фактическое восстановление квазисословной системы, закрепощение сословий государством, формирование особого служилого слоя (номенклатуры) в СССР [Медушевский, 2007, с. 75].

Современная неократическая система расширила эту сословную иерархию, дополнив ее классовой дифференциацией, основанной на частной собственности и рыночных отношениях, включая рынок труда (вопрос об обособленных системах социального неравенства и дуализма социальной органики современной России рассматривается мною в других публикациях: см. [Шкаратан, Ястребов, 2007; 2008]). Принципиальная разница между современным российским обществом и европейским заключается в том, что социальное неравенство и социальные группы в неократическом обществе образуют переплетение доминирующих сословно-слоевых членений с протоклассовыми, возникающими на основе распределения занятого населения по разным социально-экономическим нишам рынка труда.

В то же время России присущ тот технико-технологический порядок, который объединяет все сосуществующие в современном мире цивилизации. Он порождает профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий. Последние имеют два аспекта: собственно технико-технологический и социально-экономический.

Социально-экономический аспект разделения труда обуславливает, с одной стороны, социально-профессиональную стратификацию, которая присуща всем обществам. С другой стороны, будучи опосредованным рынком труда и системой реального неравенства, он служит источником формирования общественных классов в странах атлантического цивилизационного ареала. В России же мы имеем дело именно с занятиями, различающимися характером (то есть содержанием и условиями) труда, а не их качественными статусными характеристиками, выработанными корпоративностью общей принадлежности к одной профессии. Таким образом, при анализе срезов социальной структуры современного российского социума необходимо учитывать специфику всей системы социально-экономических отношений, включая особенности национального рынка труда и системы занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессонова О.* Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М., 2006.
- Вишневецкий В.* Пятый вид собственности: президентская // Новая газета. 2006. 21 августа.
- Глазьев С. О* стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. 2007. № 5.
- Гольденберг И.* Хозяйственно-социальная иерархия в России до и после перестройки // Социологические исследования. 1995. № 4.
- Группа восьми в цифрах. Статистический сборник. М., 2006.
- Илларионов А.* Победа ГЧП // Новая газета. 2006. 31 июля–02 августа.
- Иноземцев В.* Западный мир и Китай: партнеры или соперники? // Свободная мысль. 2007. № 8.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
- Кива А.* Фальшивый патриот опаснее врага // Свободная мысль. 2007. № 9.
- Ключевский В.* История сословий в России. Петроград, 1918.
- Колодко Г.* Глобализация и намертвение. От экономического спада к экономическому росту в странах с переходной экономикой // Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001.
- Колодко Г.* От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000.

- Кордонский С.* Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М., 2000.
- Кочетов А.* Истоки “новой” социальной структуры // Свободная мысль. 1993. № 9.
- Крыштановская О.* Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. 2002. № 4.
- Лавровский Б.* Не ведают, что творят // Вопросы экономики. 2007. № 6.
- Мау В.* Экономическая политика в 2005 году: определение приоритетов // Экономическая политика. 2006. № 2.
- Медушевский А.* Аграрные реформы в России: проекты и реализация // Мир России. 2007. № 1.
- Митрохин С.* Как олигархи могут возместить обществу ущерб от приватизации // Новая газета. 2005. 15–17 августа.
- Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991.
- Нарышкин С.* Инновационная составляющая инвестиционных процессов // Вопросы экономики. 2007. № 5.
- Общественное мнение–2007. М., 2007.
- Ослунд А.* “Рентоориентированное поведение” в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8.
- Плискевич Н.М.* “Власть-собственность” в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. № 3.
- Плискевич Н.М.* Мутации “власти-собственности”: проблемы и перспективы (научный доклад). М., 2007.
- Полтерович В.* Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Общественные науки и современность. 2005. № 5.
- Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2005.
- Рукавишников В.* Насколько сильна Россия? Комментарий к геополитическому дискурсу // Социологические исследования. 2007. № 10.
- Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия. М., 1994.
- Симонян Р.* Россия и страны Балтии. М., 2003.
- Смолин О.* Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века // Свободная мысль. 2007. № 10.
- Степашин С.* Принесенная ветром // Поиск. 2006. 10 февраля.
- Стиглиц Дж.* Интервью российским СМИ. 2004 (<http://www.rusref.nm.ru/stvis.htm>).
- Стиглиц Дж.* Обложить олигархов налогами! Пер. статьи из “Der Standart” (Австрия) 2003. 11 декабря (<http://www.rusref.nm.ru/indexpubstol.htm>).
- Титов Б.* Стабильность закончится кризисом // Новая газета. 2007. 9 июля–11 июля.
- Устинов В.* Приватизация по-российски // Политэкономика. 2001. № 11.
- Цирель С.* Влияние государственного вмешательства в экономику и социального неравенства на экономический рост // Вопросы экономики. 2007. № 5.
- Черникова Т.* Средневековое землевладение и проблемы феодализма в русской истории // Общественные науки и современность. 2005. № 5, 6.
- Шкаратан О.И.* Российский порядок: вектор перемен. М., 2004^б.
- Шкаратан О.* Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004^а. № 4.
- Шкаратан О., Ястребов Г.* Неэтакратическое общество и его стратификация // Препринт WP7/2008/02/ М., 2008.
- Шкаратан О., Ястребов Г.* Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги предварительного опроса экономически активного населения России 2006 г. Препринт WP7/2007/02. М., 2007.
- Явлинский Г.* Путину пора определиться. Полная версия статьи, опубликованной в журнале “Форбс”. 2004 (<http://www.yavlinsky.ru>).
- Яковлев А.* Агенты модернизации. М., 2006.
- Lane D.* The Rise and Fall of State Socialism: Industrial Society and the State. Cambridge, 1996.
- Transition Report 2007: People in Transition (http://www.ebrd.com/pubs/econo/tr_07r.pdf).